

Дмитрий Чекалкин: счастлив, что избежал

фото Бориса Бухмана

Военный переводчик, первый консул Украины в Израиле, арабист и блестящий знаток иврита, гость фестиваля «Лимуд» — радиоведущий и шоумен Дмитрий Чекалкин — об изучении иврита в СССР, израильских приключениях украинских VIPов и российской тактике гибридной войны.

— В 16 лет вы поступили в Военный институт иностранных языков в Москве. Чем объясняете столь необычный выбор? Неужели исключительно страстью к языкам?

— На дворе начало 1980-х — армии было не избежать, и я решил совместить службу с получением специальности. К тому времени я уже был знаком с выпускниками ВИИЯКА — они были лучшими из лучших.

Разумеется, решение было прагматичным — это был единственный вуз, студент которого в 18 лет мог оказаться за границей, — для меня это было важно. Когда сверстники лишь начинали служить, мы выезжали за рубеж и неплохо зарабатывали. Недаром в ВИИЯКА училось много блатных, дети партийной и академической элиты.

— Сознательно остановили свой выбор именно на арабском языке?

— Первый изучаемый язык тогда не выбирали, нам его навязывали, исходя из потребностей государства. Поскольку СССР активно продавал оружие арабскому миру, требовались специалисты для сопровождения этих контрактов, то есть переводчики при специальных советских миссиях в арабских странах.

Мы были в то время на передовом рубеже идеологического фронта и, надо признать, внесли свой вклад в разжигание вражды между Израилем и арабским миром. Да и то, что происходит сегодня на Ближнем Востоке, — в значительной мере следствие тогдашней политики СССР. Из двадцати арабских государств наши советники и военные переводчики работали, главным образом, в четырех — Сирии, Ираке, Йемене и Ливии. Все эти страны объаты сегодня пламенем гражданской войны — везде мы заложили мину замедленного действия, воспитав целое поколение в ненависти ко всему западному. До сих пор вспоминаю лозунги вроде «Пусть будут прокляты американские империалисты и их приспешники — сионисты».

Идеологические брошюры завозились целыми самолетами — меня еще тогда поражало это лицемерие, ведь вожди всех дружественных нам арабских стран — Насер, Саддам Хуссейн, Каддафи — уничтожали своих коммунистов. Только в Сирии была карманная компартия. Но СССР активно подкармливал режимы, которые вешали, расстреливали и убивали собственных коммунистов. Подкармливал только за то, что они разделяли нашу антиамериканскую риторику.

Мне еще повезло — первая командировка была в 1986-м в Алжир, где действовал запрет на легальную деятельность советских пропагандистов, поэтому даже партийные собрания в нашей военной миссии назывались профсоюзными.

Советские офицеры у комплекса С-200, Сирия, 1983

— С арабским понятно, но второй рабочий язык — иврит — вы выбрали сами?

— Да, поскольку другие языки, которые мне предлагали, — английский, французский, испанский — я изучал в школе. Но о своем выборе не жалел ни минуты — благодаря ему я стал первым украинским дипломатом на Ближнем Востоке и первым украинским консулом в Израиле.

Надо учесть и то, что нам — арабистам — было гораздо проще овладеть другим семитским языком. Имея хорошую подготовку по арабскому, мы иногда даже объясняли нашим преподавателям иврита, чем обусловлено то или иное лингвистическое явление.

— Как вообще преподавали иврит в СССР? Ведь официальных учебников-то не было...

— Наши коллеги вели радиоперехват, поэтому педагоги приносили аудиозаписи, кроме того, мы читали газету израильской компартии «Зо а-дерех», разбирали библейские тексты. В целом считалось, что курсант — это не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь, то есть

пробудить интерес к предмету. Поэтому многие из нас активно занимались самообразованием.

Я разбирал тексты и Коэлет, и Мишлей (притчи царя Соломона), и Теилим (псалмы Давида), сравнивая разные их переводы. Потом это пригодилось в работе над диссертацией о паремиологическом фонде семитских языков (паремия — афоризм, греч.). В каждом языке есть фразеологические обороты, имеющие вид законченного выражения, — от партийных лозунгов («КПСС — ум, честь и совесть нашей эпохи!»), цитат из кинофильмов («Бабе — цветы, дитям — мороженое») до поговорок вроде «Хороша ложка к обеду».

Поскольку переводчикам приходится часто переезжать из одной страны в другую, переходя с одного диалекта на другой, то набор самых употребляемых идиоматических выражений — это ключ к пониманию народа, некий культурный код.

Мне это нравилось еще и потому, что благодаря идиомам процесс обучения превращался в развлечение. Заражать своим интересом к предмету учеников — это главная задача любого преподавателя и я, скажу без ложной скромности, с ней впоследствии справлялся — преподавал и диалекты арабского, и иврит. Не сразу, разумеется. В самом начале 1990-х я шлифовал свой иврит в клубе «Лави» — с удовольствием вспоминаю те времена. Потом в Киев стали приезжать израильские интеллектуалы — писательница и филолог Хамуталь Бар-Йосеф, которую я переводил и с которой мы дружны по сей день, а пьесы ее мужа — лауреата Премии Израиля Йосефа Бар-Йосефа — до сих пор идут в киевских театрах.

— Не было предложений остаться в Москве?

— Как одному из лучших выпускников диплом мне вручали в Георгиевском зале Кремля. С одной стороны — приятно, с другой — на таких выпускников у КГБ и ГРУ было право первой руки. Я сделал все, чтобы этого избежать, невольно подставив этим однокурсников, шедших за мной в списке. Я-то потом отправился на берега Средиземного моря, а они просидели многие годы на подводных лодках или якобы потерявших управление рыболовецких шхунах, занимаясь радиоперехватом в нейтральных водах. Многие так и ни разу за это время не ступили на землю стран, языки которых они изучали.

А я вернулся в Киев, где, с получением Украиной независимости, открылись

новые перспективы. И практически сразу оказался среди первых украинских дипломатов — у меня был дипломатический паспорт под номером 30.

На Мертвом море, 1995

— Как начиналось посольство Украины в Израиле?

— Дорогу к его открытию проторили паломники-хасиды, поскольку возникла потребность в оформлении виз и т.п. К тому же в Израиле оказались сотни тысяч наших соотечественников, которым надо было оказывать консульские услуги.

В 1992-м я приехал в Израиль как глава передовой группы посольства — по дороге из аэропорта мне вручили контракт (30 страниц!) на аренду помещения — вчитываюсь и вижу требование отказаться от дипломатического иммунитета. Незадолго до этого был скандал с канадцами, отказавшимися покинуть здание своего посольства, ссылаясь на дипломатический иммунитет.

Хозяин помещения говорит, мол, мы обо всем договорились с вашим заместителем министра, его все устраивает. Я заупрямился, после чего владелец здания арестовал мой багаж, оставив меня в одних брюках и рубашке, без вещей и документов. За первый месяц пребывания в Израиле я

потерял восемь килограмм, тогда же появились первые седые волосы — и все из-за непрофессионализма нашего зам министра — бывшего директора овощебазы.

— Быстро вписались в израильскую среду, обзавелись знакомыми?

— Да, благодаря блестящему переводчику и знатоку украинского языка, бывшему киевлянину Виктору Радуцкому и той же Хамуталь Бар-Йосеф, чьи предки, кстати, тоже родом из Украины. Я и сам впоследствии переводил рассказы израильских писателей на украинский язык для журнала «Всесвіт».

В 1990-е меня часто приглашали на израильские телеканалы, где на разных шоу просили говорить на иврите с разными акцентами — выходцев из США, Украины, Ирака — так начиналась моя карьера в шоу-бизнесе (*улыбается*). В крупнейшей тогда газете Израиля «Едиот ахронот» даже вышла статья под названием «Украини шенкинаи» (то есть, «Украинец с улицы Шенкин» — богемного района Тель-Авива, где тусуется местная интеллигенция).

Один из эфиров, на котором я говорил по-арабски, посмотрел тогдашний президент Эзер Вейцман. И с тех пор на многих украинско-израильских переговорах часто обменивался со мной фразами на египетском диалекте арабского языка.

С президентом Украины Леонидом Кравчуком и премьером Израиля Ицхаком Рабиным, нач. 1990-х

— Кого из украинских ВИПов пришлось принимать за годы работы в Израиле?

— Трех президентов, нескольких премьеров, председателей Верховной Рады — Иван Плющ, например, дважды приезжал. Потом я использовал многие фразы Ивана Степановича в своих радиошоу (а иногда и приписал то, чего он не произносил) — «нельзя впихнуть невпихуемое», «чем меньше думаешь — тем больше единомышленников», «не треба драматизировать трагедии». Однажды, прокатившись на парашюте за катером на Красном море, Плющ сильно простудился, и перед приемом в Кнессете нам пришлось выпить на двоих бутылку водки. Но стало не до смеха, когда он начал вспоминать свое студенческое прошлое и просил перевести на иврит всякие шутки-прибаутки 1950 — 1960-х годов, вроде:

Як казав Хрущов Микита, можна випити корито,

Але всім нам каже Неру, треба хлопці пити в меру.

В начале 1993 года я переводил первое выступление первого украинского президента в Кнессете. С Кравчуком, который всегда «між крапельками», было достаточно просто — он тщательно продумывал каждое слово.

Особых проблем не доставлял и Кучма, хотя к нему я плохо относился, поскольку еще в 1994 году слышал многое из того, что майор Мельниченко записал в 2000-м. Даже снял у себя в кабинете портрет Кучмы — не хотелось под ним сидеть.

Разумеется, приходилось сопровождать и все визиты первых лиц Израиля в Украину — Ицхака Рабина, Шимона Переса и т.д. Помню, у Рабина с супругой была прогулка на теплоходе по Днепру с четой Марчук. У Лидии Марчук очень красивый голос — она начинала петь по-украински, а Ицхак и Лея подхватывали и перепевали эту песню на иврите.

Председатель Верховной Рады Иван Плющ дарит самовар премьер-министру Израиля

— Чему, на ваш взгляд, Украина могла бы поучиться у Израиля, особенно сегодня, в условиях гибридной войны с Россией?

— Внимательному отношению к собственному телеэфиру. Я в свое время писал докладную записку о работе израильского аналога нашего Нацсовета по телерадиовещанию. Раздав десятки лицензий в 1990-е, мы девальвировали украинский телеэфир, до предела снизив планку. Нельзя иметь 40 каналов, транслирующих новости, без потери качества этих новостей.

В итоге противостоять той же России мы не можем, ведь если у них на пять главных каналов приходится \$6 млрд. (доходы от рекламы плюс дотации), то у нас на 40 каналов — \$300 млн. — это все равно, что гнаться на самокате за Ferrari. Как можно создать качественный продукт, если у них на канал приходится миллиард долларов, а у нас 10 — 15 млн?

— В вашей альма-матер обучали тактике информационной войны, приемам дезинформации?

— Был так называемый факультет спецпропаганды, к которому относились с некоторым предубеждением. Наш институт был создан накануне Финской кампании, когда впервые отрабатывались механизмы создания фейковой «народной республики» на территории Карельского перешейка — без информационного обеспечения это невозможно. Факультет, кстати, существует по сей день, готовя, в том числе, специалистов по гибридной войне.

— И как с этим бороться?

— Это нелинейная война. Битвы прошлого века — это противостояние снаряда и брони, и чем мощнее снаряд, тем толще должна быть броня, но сегодня правда всегда проигрывает откровенной лжи. Нужно просто квалифицированно развеивать фейки, понимая, что пока мы развенчаем одно утверждение, появится десяток новых. Надо отдавать себе отчет, что противник, нам противостоящий, очень коварен и опасен.

В феврале 2014-го меня пригласили на прямой эфир BBC World Service — они делали прямое включение из Киева. Рядом со мной сидел журналист Russia

Today, рассказывавший, что Украина обречена на распад, что это искусственное объединение разных регионов долго не просуществует и т.д. Я же ответил, что главная опасность для Украины — это информационная война, которую ведет Россия, а наш северный сосед на сегодняшний день — главная угроза мировой стабильности. Тогда это звучало непривычно, но сегодня выглядит банальностью — вмешательство в выборы по всему миру, подрывная деятельность бошировых и петровых, которые травят ядом граждан других стран, кампании по дезинформации и т.п.

Скажу больше — недавно я наткнулся на сюжет о казнях заложников боевиками ИГИЛ и услышал, что террористы говорят на арабском языке с акцентом, а иногда у них проскальзывают фразы на русском. Еще пару лет назад стало известно о массовой выдаче загранпаспортов в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Чечне будущим боевикам, а сегодня это шило в мешке торчит даже из рядового репортажа.

Казнь заложников боевиками ИГИЛ

Ситуация за 30 лет изменилась, но методы остались. Если в 1980-е идеологический запал еще не иссяк и был шанс запудрить кому-то мозги светлым будущим, то чем сегодня Россия может привлечь потенциальных союзников? Не проводить же в африканских или азиатских странах демонстрации Бессмертного полка? Хотя они там проходят — при участии

местных выпускников российских вузов и на радость саркастичным пользователям соцсетей.

Как бы то ни было, ставки очень высоки — почти 17% федерального бюджета РФ на будущий год засекречено, а это около \$40 млрд. Куда пойдут эти деньги?

— Кстати, о деньгах. Еще несколько лет ваши проекты были чрезвычайно популярны в России. Это в прошлом?

— С 2014 года я официально числюсь в списке врагов Российской Федерации. А до этого меня награждали золотыми крестами в родном вузе, два года подряд я получал «Золотой микрофон» за лучшую радиопрограмму, мне даже предлагали возглавить весь юмористический блок в холдинге «Авторадио», были заманчивые предложения от радио Юмор FM, телеканала Юмор и т.д. В России меня знали едва ли не лучше, чем в Украине, — когда моя тетка в Москве случайно в такси упомянула фамилию Чекалкин, водитель обернулся: «Вы знаете Чекалкина?!».

Мои программы выходили в 160 российских городах, во многих из них я бывал — пропасть между Рублевкой, Рижским шоссе, Садовым кольцом и какой-нибудь Самарой, Архангельском или Ижевском — потрясает. Все Чекалкины родом из села Чекалки под Ижевском — на родине моего отца и деда сегодня просто мерзость запустения — не осталось ни одного уцелевшего дома, все вырождается...

— Израиль по-прежнему остается в сфере ваших интересов?

— Разумеется. Теперь принимаю в Киеве своих израильских друзей, помогаю осваиваться на украинском рынке многим израильским компаниям. «Арт-завод Платформа», Business Park на Левом берегу Киева, жилой комплекс Park Avenue — все это строили мои друзья-израильтяне.

Да и за новинками израильского кино и литературы тоже слежу. Недавно, например, посмотрел на одном дыхании два сезона очень качественного и правдивого сериала «Фауда» о палестино-израильском конфликте. Там не ищут правых и виноватых. В конце концов, так сложилось исторически — у палестинцев никогда и близко не было уровня национального самосознания, необходимого для создания государства. Хотя нынешняя ситуация

перманентной войны сложилась не без помощи моих бывших коллег. И они продолжают эту игру — Россия восстановила в Перевальном в Крыму центр*, где в свое время готовили палестинских террористов, — а это значит, что он снова готов принять очередных «подопечных». И нас это должно беспокоить не меньше, чем израильтян.

Беседовал Михаил Гольд

* С 1965-го по 1990 год в поселке Перевальное располагался секретный объект — 165-й Учебный центр по подготовке иностранных военнослужащих (УЦ-165). Здесь учили изготавливать и применять взрывчатку, захватывать склады с оружием, проводить диверсии на электростанциях и военных объектах.

Российские военные на базе в Перевальном, наши дни

Осенью 1975-го из Бейрута в Симферополь прибыли 90 палестинцев. Уже в аэропорту с ними произошел первый скандал. У одного из бойцов ФАТХа таможенники нашли незадекларированные \$10 тыс.! На базе палестинцы отказались жить по общему расписанию и потребовали себе послаблений в режиме с правом выхода за пределы городка. Последствия таких вольностей сказались очень скоро: бойцов Арафата находили в компании проституток даже в закрытом для иностранцев Севастополе. Когда же на подготовку прибыли парни из Сирии, их конфликты с палестинцами часто заканчивались

ПОНОЖОВЩИНОЙ.